

Варвара Жданова

М.А. Булгаков: детство в Киеве

Критический этюд

В 1891 году 3 мая по старому стилю в Киеве в семье доцента (позже – профессора) Киевской духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова и Варвары Михайловны Булгаковой родился первенец – сын Михаил, будущий знаменитый писатель. Семья была дружной и большой. У Михаила появилось четыре сестры и два брата.

В семье любили литературу, театр, музыку.

Какие книги стояли в «лучших на свете шкапах» отцовской библиотеки, мы точно не знаем. Но сочинения Пушкина среди них, конечно, были. Была и «Капитанская дочка», упомянутая в «Белой гвардии», которую будущий писатель, скорее всего, прочел в очень ранние годы (известно, что в девять лет он уже читал «Мертвые души»).

Стремилась дать детям хорошее образование. Позже Булгаков сказал жене: «Знаешь, я очень благодарен отцу, что он заставил меня выучить языки».

Булгаков рано лишился отца. Афанасий Иванович умер в 1907 году.

В конце августа 1901 года Михаила Булгакова зачислили в первый класс 1-й Киевской гимназии. Гимназия гордилась своими выпускниками – людьми искусства, известными профессорами. Выпускником гимназии был, например, художник Н.Н. Ге (автор картины «Что есть истина? Христос и Пилат», 1890).

Через два года после Михаила Булгакова в 1-ю Киевскую гимназию поступил К.Г. Паустовский. Гимназист Булгаков, по воспоминаниям Паустовского – живой и веселый мальчик, большой выдумщик, остроумный сочинитель историй. Об увлечении гимназистов книгами Паустовский пишет так:

«...Понимание русской литературы, всей ее классической ясности и глубины, пришло к нам позже, чем понимание более легкой литературы Запада.

Мы были молоды, и западная литература привлекала нас изяществом, спокойствием и красотой рисунка...

Но очень скоро я, увлекавшийся французской поэзией понял, что это – холодный блеск, тогда как рядом сверкают россыпи живой и чистой поэзии русской.

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле.

Мы росли, и постепенно могучая и, быть может, величайшая в мире русская литература овладевала нашими сердцами и вытесняла на второй, хотя и почетный, план литературу Запада».

Булгаков не был среди первых учеников. В его аттестате (он закончил гимназию в 1909 году) только две пятерки – по закону Божьему и географии.

«Киев всегда был городом театральных увлечений», - пишет Паустовский.

Сестра Булгакова – Надежда Афанасьевна Булгакова-Земская вспоминает: «Мы посещали киевские театры. Любили театр Соловцова и бывали в нем».

Театр Соловцова в то время был одним из лучших русских провинциальных театров. Драматические произведения русских классиков охотно ставились и имели успех.

Но главным объектом театрального увлечения Михаила Булгакова стал Киевский оперный театр.

В семье Булгаковых все играли на пианино (у старшего сына был абсолютный слух и приятный голос), ставили любительские спектакли, увлекались серьезной музыкой, пением, оперой.

Воспитанникам гимназии можно было ходить в театр не более раза в неделю, только с разрешения инспектора. Гимназисты подделывали разрешения. Одно время гимназист Булгаков мечтал стать оперным артистом, держал на письменном столе фотографию премьеры Киевского оперного театра. Он играл увертюры опер на фортепьяно и исполнял мужские арии.

В августе 1909 года Булгаков становится студентом медицинского факультета Киевского университета. В первые университетские годы он еще колеблется в выборе профессии, думает о карьере оперного или драматического артиста.

На протяжении всей жизни, еще с отроческих лет, любимой оперой Булгакова оставался «Фауст» Шарля Гуно. В гимназические годы он был на «Фаусте» 41 раз (сестра Вера пересчитала использованные билеты). Эта опера часто упоминается на страницах булгаковских произведений, в письмах, в устных высказываниях писателя.

В числе самых любимых, отозвавшихся в целом ряде произведений, были и оперы на пушкинские сюжеты: «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Руслан и Людмила».

Мемуаристы говорят о тяготении юного Булгакова к двум последним операм. Упоминаний о любви к «Пиковой даме» гимназиста или студента Булгакова найти не удалось, хотя с этой популярной оперой будущий писатель, скорее всего, тоже познакомился в детстве или отрочестве в Киевском оперном театре.

Тогда на взрослые оперы приводили совсем маленьких детей. Паустовский вспоминает, что еще лет в восемь мать повела его на «Демона».

Пушкинское наследие в произведениях Булгакова часто явлено через посредничество оперы. Булгакову не мешает, что литературный дар либреттиста, как правило, несопоставим с гением Пушкина. Булгаков любит оперную пышность, приподнятость стиля, отдает дань театральной условности. Это видно по его собственным либретто, которые он сочинил, работая в последние годы жизни штатным либреттистом Большого театра.

Оперы на пушкинские сюжеты сыграли большую роль в формировании творческого сознания Булгакова.

В «Белой гвардии» до имени Города Булгаков возвысил родной и нежно любимый Киев. Киев-Город осенен крестом Владимира. Нить идейной

преемственности ведет к опере «Руслан и Людмила», где поется: «Киев наш благословенный»...

В 1908 году летом Булгаков знакомится с будущей женой Татьяной Николаевной Лаппа, тогда саратовской гимназисткой, приехавшей в Киев на каникулы. Татьяна Николаевна вспоминает:

«Мы с ним много говорили о музыке, о театре... А я в Саратове прослушала все оперы... Михаил очень любил увертюру к «Руслану и Людмиле».

«И в Купеческий парк часто ходили. Там играл оркестр, а он очень любил симфонические концерты. Из «Руслана и Людмилы» часто играли... Михаил все время удивлялся, как много я знаю опер».

Булгаков не менял художественных пристрастий. В конце 1930-х, работая в Большом театре, он заметил приятелю:

« - Каждый раз, когда идет «Руслан», я стараюсь не пропустить увертюру...

Михаил Афанасьевич очень музыкально запел основную тему увертюры, отбивая такт по барьеру ложи».

Летом 1914 года кончилась мирная жизнь. Многие здания Киева (в том числе первая Александровская гимназия) были отданы под лазареты и госпитали.

Весной 1916 года, сдав государственные экзамены (последние три года он серьезно занимался в университете), Булгаков «утвержден в степени лекаря с отличием».

В сентябре того же года «юный врач» с женой прибыл в село Никольское Сычевского района Смоленской области. Булгаков назначен доктором местной земской больницы.

Через год он получил разрешение на перевод в уездный городок, в Вяземскую земскую больницу. 31 декабря 1917 года Булгаков писал сестре Надежде:

«Я живу в полном одиночестве. Зато у меня есть широкое поле для размышлений. И я размышляю. Единственным моим утешением является... работа и чтение по вечерам. Я с умилением читаю старых авторов».

Одиночество Булгакова с лета 1917 года – это не только одиночество образованного талантливое человека в провинциальной глуши, но и одиночество страдающего «тяжкой и нехорошей» болезнью – морфинизмом.

В конце февраля 1918 года Булгаков получает разрешение покинуть место службы и возвращается с женой в Киев, в родительскую квартиру на Андреевском спуске 13. К весне он постепенно избавляется от морфинизма и открывает частную практику как венеролог.

Из «Белой гвардии»:

«Когда-то в этом кагоре Елена ездила в театр вечером, когда от рук и меха и губ пахло духами, а лицо было тонко и нежно напудрено и из коробки кагора глядела Елена, как Лиза глядит из «Пиковой дамы». Но капор обветшал, быстро и странно, в один последний год и сборки потускнели, и потерялись ленты. Как Лиза «Пиковой дамы» рыжеватая Елена, свесив руки на колени, сидела на приготовленной кровати в капоте... Недолговечный хмель ушел совсем, и черная, громадная печаль одевала Еленину голову как капор».

Елену предал Тальберг, как пушкинскую Лизу – Германн. Верный долгу Алексей Турбин собирался оборонять Город от нашествия озверевшей банды, подобно Гриневу – защитнику Белогорской крепости в «Капитанской дочке». По мере течения революционных лет с их бедами и печалью, осыпалась позолота с пушкинского наследия, слой сусального золота ветшал, как капор Елены, открывая бессмертные идеи, сюжеты, героев.

Дом – единственное спасение в растревоженном мире, ввергнутом в революционный хаос. Мысль о спасительности Дома выражена в словах беспомощного и чувствительного Лариосика: «Наши израненные души ищут покоя вот именно за такими кремовыми шторами».

Дом – центр притяжения, сердцевина мира. «...Ждите, пока к вам придут».

Дом Турбиных – во многом – родительская квартира Булгаковых в Киеве. Родительской квартире суждено стать пленительным идеалом Дома в творческом мире Булгакова, его потерянным раем.

Сметенная с насиженных мест революционной бурей, в Киев съезжалась самая разнообразная публика. В том числе – столичные знаменитости.

Виктор Борисович Шкловский стал прототипом Михаила Семеновича Шполянского – персонажа «Белой гвардии» с внешностью Евгения Онегина, футуриста-революционера, агента большевиков.

Шкловский и Булгаков были знакомы. «Я немного знал его в Киеве», - говорил Шкловский.

Шкловский, как и Шполянский, «левый» литератор. В годы Гражданской войны Шкловский был членом боевой левоэсеровской группы, готовившей восстание против гетмана Скоропадского. Шкловский, как и Шполянский, отправился служить в гетманский дивизион и совершил диверсию, испортив механизм броневиков, которые должны были защищать город от Петлюры. Об этом он вспоминает в мемуарной книге «Сентиментальное путешествие».

Однако, при работе над образом Шполянского, Булгаков, видимо, больше опирался на свои киевские впечатления от личности Шкловского, чем на свидетельства «Сентиментального путешествия». Хотя и познакомился с книгой Шкловского уже в начале 1923 года.

Шполянский – завсегда «великосветского» артистического клуба «ПРАХ» (реальный клуб «ХЛАМ», существовавший в Киеве 1918 года). Он – прожигатель жизни, литератор из высшего света, барин.

В «Сентиментальном путешествии» автор – талантливый представитель трудовой интеллигенции, несколько растерянный, но с обостренным чувством справедливости, которое заставляет его принять сторону большевиков. Богемный образ жизни чужд автору (артистический клуб «ХЛАМ» не упоминается в «Сентиментальном путешествии»).

Каким был Шкловский в реальной жизни в Киеве 1918 года? Вернее всего, он был барином среди бар и разночинцем среди разночинцев.

Шкловский – автор нескольких литературоведческих работ о Пушкине. Он знающий наблюдательный специалист. Но метод исследования Шкловского был своеобразным. В силу своей теоретико-формалистической установки, Шкловский отрицал в произведениях искусства этическую базу. В книге «Теория прозы» (1925) Шкловский поразил широкого читателя яркой фразой: «искусство является суммой приемов».

В конце 1920-х годов Шкловский написал киносценарий по «Капитанской дочке» (фильм вышел на экраны в 1928 году под названием «Гвардии сержант»).

Сохранив основную линию повести, Шкловский внес некоторые «идеологические коррективы»: так Савельич, верный классовому чутью, становится секретарем и сподвижником Пугачева. Гринев, в финале - неудачливый любовник царицы, повинувшись тому же классовому инстинкту, едет в Белогорскую крепость для захвата вольных крестьянских земель.

Нет сомнения, что Булгаков счел бы эти «улучшения» надругательством.

«Искусство в основе... разрушительно», - писал Шкловский в «Сентиментальном путешествии».

Булгаков как начало разрушительное оценивал наследие левого искусства (оно призывает к свержению старой системы ценностей, ломке Дома...). В таком ключе он оценивал творчество Шкловского, Мейерхольда, Маяковского. Наследию левых Булгаков противопоставлял созидающее классическое, прежде всего, пушкинское творчество.

Изнутри, как и оборону Города, Шполянский разрушает в «Белой гвардии» русскую литературу. Он проникает в литературу, загримированный под пушкинского героя. Сочиняемый им трактат о Гоголе исподволь подведет читателя к мысли о ничтожности искусства. Футуристические стихи сформируют новое сознание читателя, направленное на разрушение.

И тогда «упадут стены» бесконечно дорогого Дома и «Капитанскую дочку» сожгут в печи. На склоне лет в мемуарной повести «Жили-были», Шкловский вспоминает свое умонастроение в годы революции:

«Пускай рухнет все... Рушья лепной потолок! Падайте окаянные, оклеенные обоями стены».

Разрушение старого Дома невыносимо мучительно, почти смертельно для Булгакова и отрадно для Шкловского.

В 20-е, 30-е годы Шкловский стал одним из видных неприятелей Булгакова на литературном фронте. Характеристика творческой личности Булгакова, данная в печати Шкловским, всегда нелестна, а то и прямо оскорбительна. В известной книге «Гамбургский счет» (1924) Шкловский сравнил Булгакова с клоуном, кривляющимся у ковра, на котором борются настоящие таланты.

Булгаков включил Шкловского в один из педантично составленных им списков литературных врагов.

Булгаков придерживался консервативных взглядов как на искусство, так и на устройство общественной жизни. «Он был вообще вне всякой политики. Ни на какие собрания или там сходки не ходил. Но большевиков он не любил, и по убеждениям он был монархист», - говорит Татьяна Николаевна.

«Волею непреложной исторической судьбы» (слова из позднего письма к правительству) Булгаков, как и его герои Турбины, был брошен в лагерь белой гвардии.

В годы Гражданской войны Киев пережил более десятка переворотов, попеременно занимаясь красными, зелеными, белыми, войсками иностранных интервентов.

Булгаков лично пережил многое из описанного в «Белой гвардии».

Булгаков был насильно мобилизован петлюровцами, бежал, видел как убивают еврея на мосту (сцена этого убийства вошла в произведения «Дань восхищения», «В ночь на третье число», «Я убил», «Красная корона», «Налет», «Театральный роман»).

Потом несколько дней они с женой прятались от петлюровцев в лесу.

В конце лета 1919 года он был призван белыми и в качестве военного врача отправлен на Кавказ, для участия в боях против восставших чеченцев. К нему приезжает жена.

Кровавые картины боев давили на сознание военного врача, навсегда откладывались в памяти.

Уже работая фельетонистом в московской газете, Булгаков записывает в дневнике:

«Я до сих пор не могу совладать с собой. Когда мне нужно говорить, и сдерживать болезненные арлекинские жесты. Во время речи хотел взмахивать обеими руками, но взмахивал одной правой, и вспомнил вагон в январе 20-го года и фляжку с водкой на сером ремне и даму, которая жалела меня за то, что я так страшно дергаюсь... Видел... полковника, раненного в живот.

Бессмертье – тихий светлый берег...

Наш путь – к нему стремленье.

Покойся, кто свой кончил бег,

Вы, странники терпенья...

Чтобы не забыть и чтобы потомство не забыло, записываю, когда и как он умер. Он умер в ноябре 1919-го года во время похода за Шали-Аул, и последнюю фразу сказал мне так:

- Напрасно вы утешаете меня, я не мальчик.

Меня уже контузили через полчаса после него. Так вот, я видел тройную картину. Сперва – этот ночной ноябрьский бой, сквозь него – вагон, когда уже об этом бое рассказывал, и этот бессмертно-проклятый зал в «Гудке».

Цитируемые строки из стихотворения Жуковского сопровождали Булгакова по жизни, стали эпиграфом к «Бегу».

В конце ноября – декабре 1919 года Булгаков работал во Владикавказском военном госпитале. Скоро он оставляет медицину и начинает сотрудничать в местных белогвардейских газетах, печатает первые фельетоны. В 1919 году был опубликован известный ныне очерк «Грядущие перспективы».

В конце февраля или начале марта 1920 года Булгаков заболел возвратным тифом. Белые готовились к эвакуации, но Булгаков был в забытьи, он не перенес бы дорогу.

Вновь обратимся к воспоминаниям Татьяны Николаевны:

«Я безумно уставала... По улицам солома летает, обрывки какие-то, тряпки валяются, доски от ящиков... Как будто большой пустой дом, который бросили. Белые смылись тихо, никому ничего не сказали... И две недели никого не было. Такая была анархия. Ингуши грабили город, где-то все время выстрелы... И вот Михаил лежал. Один раз глаза у него закатились, я думала – умер. Но потом прошел кризис и он медленно-медленно стал выздоравливать. Это когда уже красные стали».

Примечание. Материал статьи был опубликован издательством LAP Lambert Academic Publishing в составе монографии В.Ждановой «Служение и венец. Пушкин в творчестве М. Булгакова».